

Молодая литературная Россія.

II. А. П. ЧЕХОВЪ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ, какъ и В. Г. Короленко, уроженецъ юга. Родина его—Таганрогъ. Пропеходитъ изъ средней купеческой семьи. По окончаніи курса въ классической гимназій, поступилъ въ московскій университетъ, на медицинскій факультетъ, который и окончилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ со степенію лѣкаря. Въ настоящее время даровитому беллетристу не болѣе 33—34 лѣтъ.

Еще будучи на университетской скамьѣ, А. П. началъ печататься въ кое-какихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ—юмористическихъ—изданіяхъ, московскихъ и петербургскихъ, сотрудничая въ нихъ не какъ дилетантъ, а какъ работникъ, добывающій средства къ жизни. Работа была, конечно, не всегда интересная и не всегда прибыльная. Но она помогла юному разобраться въ собственныхъ силахъ и понять настоящее свое поприще. Семья Чеховыхъ переселилась уже въ это время изъ Таганрога въ Москву. Такии образомъ, А. П., и въ силу избранной имъ литературной карьеры, и въ силу семейныхъ привязанностей, обосновался на всегда на сѣверъ. Съ годъ тому назадъ онъ окончательно привился къ мѣсту, купивъ имѣніе близъ станціи «Юмасаи», Московско-Курской дороги (въ трехъ-четырехъ часахъ ѣзды отъ Москвы). Здѣсь, «на лонѣ природы» А. П. проводитъ теперь большую часть времени, въѣзжая лишь въ Москву или Петербургъ.

Когда и гдѣ именно А. П. напечаталъ свои первые опыты, не можемъ съ точностью указать. Но собственному сознанию автора, онъ едва-ли и самъ можетъ ихъ назвать, развѣ только самыя раннія,—такъ много приходилось ему

первоначально писать. Онъ писалъ все: очерки, рассказы, сценки, статьи, корреспонденціи. Обыкновенно говорятъ, что мелкая газетная работа убиваетъ талантъ. Чеховъ, выбившійся изъ маленькихъ листковъ на широкую дорогу, изъ «Чехонте»—въ крупныя листы—повидимому, доказываетъ своимъ примѣромъ противоположное. Но здѣсь необходимо принять во вниманіе множество благопріятныхъ обстоятельствъ: и непосредственную натуру, и кое-какія счастливыя случайности, и силу воли, и—главное—силу самого таланта.

Въ 1884 г. появилась первая небольшая книжонка Чехова «Сказки Мельпомены», почти незамѣченная печатью, несмотря на разбѣгавшіе въ ней блески таланта. Только тогдашній московскій корреспондентъ «Н. Вр.» помѣстилъ о ней нѣсколько сочувственныхъ строчекъ. «Пестрые рассказы», изданные «Осколками», были счастливы. Хотя наша печать не обмолвилась объ этой книжкѣ ни словомъ, но публика непосредственнымъ чутьемъ угадала истинное дарованіе. Веселые, легкіе рассказы, проникнутые живымъ, оригинальнымъ юморомъ, читались нарасхватъ. После этой книжки, въ которую вошли вещицы, печатавшіяся большей частью въ «Осколкахъ», «Стревозъ», «Будильникъ», «Петербургск. Газ.» и др., участь Чехова, какъ писателя, была рѣшена. Онъ получаетъ приглашеніе въ «Новое Время», талантъ его разворачивается, и уже первыя вещи его, помѣщенные здѣсь, (какъ, напримеръ, «Письмо») приобрѣтаютъ ему множество поклонниковъ. Все дальнѣйшее только способствуетъ его успѣху. Слава его растетъ, не по днямъ, а по часамъ. Появляется книжка «Въ сумеркахъ», увѣнчанная академической преміей; за нею слѣдуютъ «Рассказы». Драма «Ивановъ», впервые поставленная на сценѣ театра Корша, обходитъ затѣмъ почти все русскія сцены, возбуждая большой шумъ. Пьеса эта вмѣстѣ съ имѣвшимъ такой колоссальный успѣхъ «Медвѣдемъ» создаетъ Чехову огромную популярность среди самого широкаго круга публики. Въ это время онъ печатается уже въ толстомъ журналѣ—«Свѣ. В.» Здѣсь появляется между прочимъ «Скучная исторія». За «Скучной исторіей»—перерывъ. Авторъ предпринимаетъ путешествіе въ Сибирь сухимъ путемъ, доѣзжаетъ до Сахалина и оттуда возвращается океаномъ черезъ Свѣ.-Америк. Штаты. Съ дороги онъ присылаетъ въ «Н. Вр.» «сибирскія» путевыя письма, которыя однако поклонниковъ его не удовлетворяютъ. Точно также слабой признается многими и «Дуэль», напечатанная по возвращеніи изъ Сибири. Но за то послѣ этой неудачи слѣдуетъ удача, едва-ли не самая знаменательная въ литературной жизни А. П. Чехова. Выходитъ его «Палата № 6» и появляется она въ томъ самомъ толстомъ журналѣ, который до сихъ поръ Чеховъ не признавалъ, или если и признавалъ, то «съ сожалѣніемъ»,—какъ «жертву безвременья». Такой побѣды не одерживалъ до сихъ поръ, кажется, ни одинъ изъ русскихъ писателей, особенно въ молодые годы.

Справедливость требуетъ сказать, что значительной долей своего быстрого успѣха Чеховъ обязанъ А. С. Суворину, который первый замѣтилъ его талантъ и далъ ему полную возможность окрѣпнуть. Сдѣйствию г. Суворина А. П. Чеховъ обязанъ и своей побѣдой въ Сибирь, результатовъ которой—къ слову сказать—еще ждутъ до сихъ поръ. Кромѣ дорожныхъ очерковъ, о которыхъ упомянуто выше, какъ результатъ сибирскихъ впечатлѣній писателя, мы имѣемъ пока очеркъ сахалинскаго быта, помѣщенный въ сборникъ, изданномъ «Русск. Вѣд.» въ пользу голодаю-

До сихъ поръ замѣтка наша носила біографическій характеръ. Какова-же физиономія разбираемаго писателя, въ чемъ сущность его дарованія? Отвѣтъ отчасти заключается во всемъ вышесказанномъ. Сущность его дарованія—въ оригинальности замысла и исполненія, въ яркости красокъ и образовъ и затѣмъ въ удивительной разнообразности. Тогда какъ Короленко, какъ мы видѣли въ прошломъ очеркѣ,

отражать себя особую область — низшее население, толпу и людей толпы — мир Чеховского творчества так же разнообразен, как и мир хотя бы Диккенса. Тут и «дворян», и монахов, и еврей-корчмарь, и торговец скотом, и сотский, и «несчастнейший», и гимназист, и священник, и уравновешенный ученый, и доктор, и адвокат, и нравственно обанкротившийся интеллигент. Веселые, как и печальные, радость, как и горе, и всё между ними переходы одинаково доступны художественному пониманию Чехова. Поэтому то он так же хорошо изображает смеющееся человечество, как и хмурое человечество, пестрое человечество, как и стрессное, «сумеречное». Продолжая сравнение, можно бы сказать, что А. П. Чехов — художник, избравший своей мастерской — весь обширный Божий мир. Неудивительно после этого, что и природу он так же умело и тонко схватывает во всех ее разнообразных проявлениях. Образец этого мастерства Чехов дает нам в своей «Стене», которую рисует нам вечером, на заре, в полдень, под солнечным припеком, в дождь и т. д., — словом со всеми нюансами и деталями.

Разнообразие в произведениях Чехова, скажем тут кстати — объясняется, кроме наблюдательности, еще и тем, что он так же хорошо знает север, как и юг. Помимо своего большого сибирского путешествия и поездки за границу, А. П. совершал не раз поездки по России, бывая на Волге, в Крыму, на Кавказе, не забывал в то же время родных мест — Приазовья и «Донщины», которые отразились во многих его очерках. Тяжелый для России год своеобразно отразился у Чехова в рассказ «Жена», одном из наиболее сильных его произведений. В «Семье» упоминалось уже об этом рассказе в обзор литературы за прошлый год.

Но если Чехов так разнообразен в своих типах, как ни один из молодых писателей, за то не ищите у него цыганского мирозерцания, какое, например, мы видели у Короленко. В чем источник его силы, в том же причина его слабости. Здесь нет противоречия. Как в самом деле разобраться в понятиях, когда перед вами такой живой и пестрый kaleidoscope, такая обширная панорама? «Ничего не разберешь на этом свете», — такими словами кончается рассказ Чехова «Огни». Действительно, ничего не разберешь. Вот «несчастье» ползет на дом труженика, в вид измученной жены, несчастье незаслуженное и неожиданное даже для самой нарушительницы. Вот рыжий прапорщик получает неожиданно «поцелуй», ему не предназначенный, который переворачивает всю его жизнь. Вот девочка-нянька душит ребенка, мешавшего ей спать. Вот профессор, всю жизнь работавший для науки и человечества, доканчивает свою жизнь, как скучную историю... Вот доктор, забывший о своих больных, попадает в сумасшедшую палату, как только он заинтересовался больными. За что? Почему все это? Но впечатлительный так много и так быстро они забывался, что заглянуть в них сущность невозможно: ничего не разберешь на этом свете...

Когда этот очерк был уже написан, в февральской книжке «Русской Мысли» появилось новое произведение Чехова: «Рассказ неизвестного человека». Замысел рассказа очень оригинален. Рассказ идет от имени человека интеллигентного, из привилегированного сословия, поступившего в лакеи к одному петербургскому чиновнику, сыну известного государственного деятеля. Причины неизвестного человека не объясняются, но о них можно догадаться. Пока обрисовываются действующие лица. Что будет дальше — судить трудно. Пока можно сказать, что кроме оригинальности замысла, «Рассказ неизвестного человека» дышит замечательным, почти эническим спокойствием.

Д. Гор.

✱✱✱✱✱

(Визитная Д. М. Горюхиной —

(на стр. 5 — рисунок)

сн. со стр. 2. Мяс. 1, 276

ПАРИЯ.

Трагедия в одном действии. Михаила Бора.

Пер. Н. О. Арбенкина.

(Продолжение. См. № 14).

ЯВЛЕНИЕ 2.

1-й и 2-й индийцы, в сопровождении толпы индейцев: вскорь Бенаскар.

1-й индеец *брысаясь из хижины*.
Огонь — и никого... Идите все,
Идите!

2-й индеец. О, мы спасены!
1-й индеец *осматривая хижину*. Прочь! прочь!
Погибли мы: здесь пария живет!

2-й индеец. Спаси нас, Брама!
Всё *(направляясь к выходу)*. Пария! Спасайтесь!...

Завесь пария! *(Из отверстий показывается Бенаскар)*.
1-й индеец. Спасайся, господинь!
Завесь пария живет!

Бенаскар. Идите все!
И если-бь духа тьмы здесь встретишь я,
Я должен здесь остаться... Не могу
Я дать идти: я кровью истекаю.
Слабеют силы... О! *опускается на скамью*.

1-й индеец. Да, господинь,
Горячий бой! и тигр был лют...

Бенаскар. Ударь
Коня далъ промахъ, и поспышно зѣбрь
Рванулся и схватилъ мнѣ руку — а же
По рукоятъ вознилъ въ него кинжалъ
И пасть разѣкъ.

1-й индеец. Онъ палъ сраженный...

Бенаскар. Да,
И палъ, я думаю, чтобъ больше не подняться!
Теперь, рабы, вы осмотрите мѣсто,
Куда насъ тьма ночная загнала.
Одни изъ васъ пусть стерегутъ жилище,
Другіе — пусть окрестности осмотрятъ:
И если кто-нибудь изъ племени Раджи
Пріютъ предложитъ намъ — просите о зашитъ.

1-й индеец. Ты хочешь здѣсь остаться, господинь?

Бенаскар. Я далъ не могу идти... Ступайте!
Я не хочу, чтобъ близость презрѣнныхъ
Себя вы осквернили. Да, я самъ —
Когда мнѣ суждено избѣгнуть смерти,
Въ святыхъ воды Ганга дескую разъ
Смирено погужусъ и искуплю
Мой тяжкій грѣхъ тяжелымъ испытаньемъ...
Оставьте этотъ кровъ — я остаюсь.

(Индійцы печально убѣгаютъ).

ЯВЛЕНИЕ 3.

Бенаскаръ одинъ.

Бенаскар. Когда мой пробилъ часъ, великій Брама,
И ты рѣшился оборвать нѣтъ жизни,
Не давай ему украситься плодомъ,
Когда меня ждетъ смерть — я жду ее!
Не разъ, въ пылу сраженья, я смотрѣлъ
Безстрашно ей въ лицо... Но объ одномъ
Молю тебя, могучій богъ, не въ гнѣвъ
Зови меня къ себѣ, не дай, творецъ,
Мнѣ встрѣтить смерть въ проклятіи жилища!

(Бенаскаръ хватается за свою рану и отъ боли опускаетъ голову. Изъ боковой двери, озираясь, входитъ Хаджи.)